

УДК 8.085.4
ББК Ш141.2-7+Ш70

Л.С. Ширина

**МЕСТО И РОЛЬ КУРСА
«ЭКСПРЕССИВНАЯ
СТИЛИСТИКА»
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ПРОГРАММАХ ОБУЧЕНИЯ
ЖУРНАЛИСТОВ**

Экспрессивная стилистика – составная часть общего курса риторики, включает практическую программу ее принципов и реализации языка в структуре речи или текста. Как учебная дисциплина имеет большое значение в обучении студентов творческих профессий, педагогов и журналистов, в повышении уровня художественно-публицистического мышления выпускников, их речевой культуры, искусства письма, обучает приемам воздействия на аудиторию, развивает способности журналистов в создании прагматически-действенных текстов публикаций.

Ключевые слова: *атрибутизация, выдвижение, выразительность, образительность, прагматика, публицистический дискурс, риторика, фигуры мысли, фигуры речи, экспрессивная стилистика.*

Ширина Лидия Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры языка СМИ и рекламы Южного федерального университета. Тел.: 8(863)229-06-97
e-mail: Philfac@philol.rsu.ru

© Л.С. Ширина, 2010 г.

Экспрессивная стилистика – одна из главнейших частей курса «Риторика», включенного в образовательные программы Высшей школы для обучения студентов творческих профессий – педагогов и журналистов. Именно в их соединении рассматривали теорию и практику убеждающей речи в античные времена. В оценке М.Т. Цицерона риторика и ее словесное обеспечение необходимы «для управления человеческими нравами и мышлением», оратор «руководит государством, умеет что угодно и о чем угодно высказать свои мысли красиво и обильно» [Русская риторика..., с. 26]. В это время искусство слова было сопоставимо с важнейшими открытиями эпохи в области политики, филологии, культуры. Основные достижения риторического искусства античными учеными и ораторами можно суммировать в ряде положений:

1. Риторическое слово заключается в диалектике как пути поиска истины (Платон).

2. Красноречие – одно из высших проявлений нравственной силы человека, оно рождается из многих знаний и умений (М.Т. Цицерон).

3. Сила риторического сочинения заключается в способности хорошо говорить и убеждать... слова должны быть ясны, чисты, соответствовать нашему намерению, правильно и пристойно расположены (М.Ф. Квинтилиан).

4. Красота речи – живое изображение вещей и воссоздание живых картин, страсти, подобное

описание ощутительнее, нежели простое сообщение (М.Ф. Квинтилиан).

Искусство риторической речи уже в античную эпоху получило научное обоснование как теория и практика речевого убеждения. Назначение экспрессивной (или риторической) стилистики как раздела риторики заключается в освоении специалистами творческих профессий эффективных языковых средств в ориентированном и целенаправленном их использовании. Одна из функций риторических приемов – усиление внимания аудитории. «Когда оно притуплено, идеи и образы выступают перед нашим умом менее ясно и производят на нас слабое впечатление» [Гельвеций, с. 12].

По определению К. Ушинского, «внимание есть именно та дверь, через которую проходит все то, что только входит в душу человека» [Ушинский, с. 219]. Концентрация внимания экспрессивными средствами означает подчинение высказываемой мысли коммуникативным установкам пишущего или говорящего с целью оказать наибольшее воздействие на восприятие адресатом информации. Но внимание – психологический фактор, связанный со средоточением мысли на каком-либо компоненте текста. В риторическом аспекте управлять вниманием можно особыми приемами убеждающего слова. Безусловно, искусство речи дается талантом, но мастерство развивается в речевых опытах, совершенствуется благодаря знаниям механизма эстетического освоения мира, центральную часть которого составляет речевой аппарат экспрессивной стилистики. Исходя из этого, мы с самого начала должны охарактеризовать экспрессивные приемы по их сущности, значению и способам включения в текст. Так что же *акцентирует внимание* и способствует *концентрации мысли* при восприятии адресатом текстового материала? Именно то, что и составляет сущность речевой экспрессии как «семантической категории, характеризующейся различными формами проявления экспрессивной функции языка, его способностью выражать в содержании языковых единиц многообразие эмоциональных и оценочных отношений субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем мире человека» [Русский язык..., с. 637].

Ведущие инструменты экспрессивной стилистики – приемы *изобразительности* (фигуры мысли – тропы), *выразительности* (словесные фигуры речи) и риторической композиции: *конвергенции*, *сцепления*, «*обманутого ожидания*», входящих в систему *выдвижения*, т.е. фокусирования внимания актуализацией наиболее значимых экспрессивных компонентов в одном отрезке текста.

Изобразительность, в основном, создается метафоризацией, сравнением, антитезой, атрибутивно-оценочной лексикой, олицетворениями. Выразительность – конкретное использование риторических фигур речи, основанных на повторе языковых элементов, контрасте их, пропуске, расчленении исходного высказывания. Конвергенция – схождение в од-

ном пучке стилистических приемов, участвующих в единой экспрессивной функции. Сцепление – неоднократное повторение в определенных интервалах сходных изобразительно-выразительных приемов для удержания внимания и подчинения восприятия текста коммуникативным задачам автора. «Обманутое ожидание» – смена одного, ожидаемого, результата другим – непредсказуемым.

Нами обозначены основные пункты программного содержания экспрессивной стилистики. Теперь осветим пути становления этого курса в учебно-образовательных программах обучения студентов филологических специальностей. Долгое время риторика была, фактически, запрещена как наука. Ее расцвет в России совпал с творчеством публицистов середины и конца XIX века. И только через столетний перерыв она возродилась как научно-учебная дисциплина и форма речевой практики в вузах. Значительную роль в ее становлении сыграли ученые Ростова-на-Дону, Новосибирска, Свердловска. Среди них нужно назвать имя профессора Т.Г. Хазагерова, который, преодолевая предубеждения и непонимание, писал: «Настанут лучшие времена для риторики, ее синтез с семиотикой, психологией и стилистикой – последний резкий поворот, который придется сделать, прежде чем риторика станет полноправной наукой» [Хазагеров, с. 6]. Такой поворот сделан в 80-х гг. Риторика вошла в программы вузов. Однако экспрессивная стилистика – неотъемлемая ее часть – до сих пор не смогла приобрести своего законного и постоянного места, особенно это касается программы журналистов, которым, казалось бы, прежде всего и нужны знания по риторическим приемам речи.

Если риторика дается без практических средств ее обеспечения, экспрессивной стилистики, то она становится наукой схоластичной, безжизненной и не обеспечивает творческую подготовку будущих специалистов. Если же изучается только экспрессивная стилистика, то она лишается истоков своего предназначения. Все это требует компетентных решений вопроса и обоснований не только в разумном включении экспрессивной риторики в учебные планы по подготовке журналистских кадров, но и порядка следования этих дисциплин.

Разумнее ее изучать в практической части риторики, завершающей осмысление теоретических принципов этой науки, знакомством с технологией речи в соответствии с типами доводов убеждающего мышления. Так было и в античные времена: Аристотель (теоретические основы риторики) – М.Т. Цицерон (практика ораторского искусства) – М.Ф. Квинтилиан (свод правил риторических приемов). Поскольку речь идет о роли курса в журналистских программах, мы обратимся к жанровой специфике средств массовой информации и свяжем ее с риторическим искусством речи в рамках журналистских и публицистических текстов. А в соответствии с этим посмотрим, как отражаются эти проблемы учеными и преподавателями журналистики. Так, например, до-

цент МГУ Г.В. Лазутина в своей книге «Основы творческой деятельности журналиста» (2001) обосновала необходимость «технического инструментария» в журналистском творчестве. «Далеко не факт, пишет она, что творческое самосознание достигает той отметки, которая свидетельствует о совершенстве журналистской деятельности, если говорить об ее результатах в профессиональном отношении письма». И далее: «Среди причин творческих неудач, скучных текстов представлены «способы неутожительной словесной инкрустации», когда авторы не умеют создать нужный «образ», аргументировать предложенные высказывания ясными и убедительными приемами речевого выражения» [Лазутина, с. 136]. Весомым дополнением к этому суждению могут быть оценки ученых, анализирующих наиболее благоприятную сферу использования экспрессивных приемов – аналитическую журналистику: «Знание истинно лишь тогда, когда оно адекватно отражает содержание самого предмета познания. Доказательство же знания есть его субъективная характеристика, убеждающая нас в истинности этого знания». Далее, пишет исследователь, «достоверность текста – одно из решающих качеств, обеспечивающих приложимость публикации» [Тертычный, с. 38]. Эти рассуждения неизбежно ведут к принципам и приемам экспрессивной стилистики. О путях и способах достижения коммуникативных задач журналистами пишет профессор МГУ Е.П. Прохоров. И хотя он говорит об уровнях организации публицистического текста, характеристика их имеет прямое отношение и к языку, так как без него невозможно уточнить их значение. В конкретном рассмотрении определяются три уровня. Первый – «близость» (к адресату); второй – «ситуативность»; третий – «драматизм» [Прохоров, с. 301–305]. Эта градация раскрывает основные стороны риторического искусства и, самое главное – открытый субъективизм как физическое участие, присутствие собственного «я» в тексте с его конкретным отношением к изображаемому, что наблюдается в любой жанровой разновидности литературы и прежде всего – публицистической, в которой общественно-гражданская и социальная функция тесно взаимосвязаны с коммуникативной концепцией «я – ты».

Разнообразие жанровых приемов в журналистике вполне укладываются в общетеоретическую схему функционального назначения языка как общественного инструмента, представленную Н.Д. Арутюновой: «Будучи важнейшим средством общения, язык объединяет людей, регулирует их мышление и социальное взаимодействие, координирует их практическую деятельность, участвует в формировании мировоззренческих систем и национальных образов мира, обеспечивает накопление и хранение информации... закрепляет понятия, формирует сознание и самосознание человека, служит материалом и формой словесного творчества» [Русский язык..., с. 609].

Близость адресата к субъекту передается приемами «сопереживания» (термин Л.Е. Кройчика, Воронеж), важнейшими элементами публици-

стического дискурса. Экспрессивные приемы его выражения – это прежде всего лексические и синтаксические элементы подчеркивания сопричастности в оценках дела, факта или события. Таково обращение к нации У. Черчиля в годы Второй мировой войны: *«Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться со все возрастающей уверенностью и силой в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы нам этого ни стоило. Мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться в горах. Мы никогда не сдадимся»* (Черчилль, Речь в палате лордов, 1942).

Здесь особая функция возложена на анафору, подчеркивающую силу единства и жизнеутверждающую «философию победы».

Вместе с прямыми приемами близости автора к своему читателю, важным средством является и эмоциональное его состояние, которым он стремится «заразить» того, к кому обращается. Ярким примером является обращение А. Радищева к крепостникам-помещикам Руси: *«Звери алчные! Пиявицы ненасытные! Что мы крестьянину оставляем? То, чего отнять не можем? Воздух. Да, один воздух»* (Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву).

Эмоциональный, чувственный, порыв страстное возмущение создаются резко отрицательными эпитетами, обращениями, образной лексикой, приемами негативного олицетворения, метафоризации, риторическими вопросами и восклицаниями.

Уровень «ситуативности» всегда связан с конкретными фактами, событиями, которые надо представить так, чтобы их воспринимали как свидетельства очевидцев, с подробным описанием мельчайших деталей, красок, чтобы они вызывали не только зримое впечатление, но и способствовали моральному, этическому их осмыслению. Таково, например, описание военной катастрофы – жестокого разрушения фашистами Сталинграда: *«С высоты четырех с половиной тысяч метров видна была освещенная заходящим солнцем картина огромной катастрофы. Раскаленный воздух поднимал ввысь белый дым, очищенный от сажи; этот отбеленный высотой дым стлался в вышине волнистой пеленой, ниже дышал, вздымался, кипел тяжелый, вихрастый, то черный, то пепельный, то рыжий дымовой ком <...> Эти минуты и часы казались высшим торжеством неумолимой «тотальной идеи», идеи насилия моторов над женщинами и детьми Сталинграда... Но нет! Среди горячего пепла и дыма неистребимо жила и упрямо пробивалась сила советского человека, его любви, верности свободе, и именно эта сила торжествовала над ужасным насилием поработителей»* (Гроссман, За правое дело).

В тексте явно проявляются публицистические элементы. Картина изображения такова, что не вызывает сомнения – она создана «глазами очевидца», настолько точно подобраны эпитеты, градационные ряды глаголов, эмоциональная лексика высокого накала, риторическая форма экспрессивных выводов и оценок. Приведенный отрывок из художест-

венного произведения, по своему стилю, характеру описания, сопричастности с народом, открытой коммуникативной установкой, несомненно, может восприниматься как публицистический.

Самая обширная область внедрения экспрессивных средств языка в публицистике – аналитические жанры, степень их силы увеличивается от катаклизмов изображаемых ситуаций, что вызывает размышления, рассуждения по поводу и ведет к выводам на их основе. Здесь другие методы структурирования содержательной основы текста и другие способы и приемы риторического озвучивания. В этом случае автор предлагает не только готовый результат познания, но и показывает, делает зримым для аудитории ход самого познания [Тертычный, с. 11]. Для демонстрации приведем три примера: из отечественной журналистики XIX века, начала XX и из современной печати, во всех случаях они связаны с наиболее драматичными периодами истории.

Н.Н. Огарев и др. при участии Н.А. Серно-Соловьевича: *«Что нужно народу? Очень просто, народу нужна земля и воля. Без земли народу жить нельзя, да и без земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. Земля никому другому не принадлежит как народу»* («Колокол», 1861).

В соответствии с ситуацией того времени и обращением к народу стиль текста – агитационно-прокламационный; тип языковой формы – пафосно-эмоциональный, разговорный; композиционная структура – монологический диалог (эпилемма); целевая установка – убедить демократические силы следовать программным требованиям революционного общества «Земля и воля».

После революции 1905 г. Л.Н. Толстой пишет статью-воззвание «Не могу молчать». Он выступает с гневным обращением к правительству с защитой рабочих и крестьян, которых подвергают репрессиям: вешают, расстреливают, ссылают: *«Нет, это невозможно. Нельзя так жить!.. Нельзя так жить!.. Нельзя и нельзя... я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду!»* Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете...». Писатель, журналист и публицист, он не может смириться с тем, что *«душат веревками людей, живые люди превращаются в висящие на веревках мертвые тела»*.

Изобилие повторов не стиливая небрежность. Это выражение душевного порыва, граничащего с физическим состоянием: когда Толстой диктовал эти строки, он плакал. В риторике такой прием повтора (отдельных лексем, сочетаний слов, возможно, фраз) получил название – геминация, назначение которого передать интенсивность чувств, крайнюю степень эмоционального душевного настроения. В нем угадывается сильный эффект воздействия. Об этом пишут ученые факультета журналистики МГУ, изучающие публицистику Л.Н. Толстого, его взгляды и мировоззрение, язык: «Эмоции автора, т.е. то состояние, которое испытал и пережил автор, в его творческой практике получают выражение в речи

и как таковые воспринимаются нами как экспрессивные средства и приемы авторского эмоционального воздействия» [Журналистика..., с. 34].

В современную эпоху трагическим, полным драматизма событием времени стала Чернобыльская АЭС. Факты катастрофы и развернувшейся в дальнейшем полемики описал публицист А. Адамович: возражая «оптимистам-энтузиастам безудержной аэсизации, он пишет: *«Подумали бы хоть раз всерьез, что произойдет с народом и страной (да мы просто переломимся), если ахнет еще один Чернобыль! И каковы последствия... Подумайте о детях и стариках, для которых даже норма (в густонаселенных районах), установленная тут как допустимая, – убийственна. И как можно уговорить ребенка есть только чистые продукты (если они окажутся в загаженной местности) и не съесть ягоду, грушу – разве только оботрет о курточку? Или, приехав на спецавтобусе из школы, не бегать по пыли, по траве, по лесу?»* [Адамович, Честное слово, больше не взорвется...// Новый мир, 1988, № 9]. Помимо реальной ситуации, драматизм переполняет сердце и разум автора и выражен в аргументах к пафосу, логике размышления, к морали, к образному восприятию материала, усиленному эмоциональными обращениями, риторическими вопросами, восклицаниями. Думается, что здесь экспрессивный орнамент выполняет свою роль убедительного воздействия и на читателей, и на сторонников «безоглядно» строить атомные электростанции.

В ограниченных рамках статьи невозможно полнообъемно показать сущность и характер риторического искусства в газетно-журнальной и публицистической литературе. Но мы обратим внимание на некоторые правила его реализации в СМИ. Функционально публицистический дискурс и риторическая речь совпадают, фактически, по своим коммуникативным установкам и задачам, ибо в них совмещены многие параметры: текст взят в событийном аспекте, речь выражает целенаправленное взаимодействие людей, механизмы влияния на их сознание, речевые способы достижения полноты понимания смысла. Фигуры же речи обладают сложной семантикой и прагматикой, создание их в античную эпоху было продиктовано стремлением сделать универсальные формы речевого воздействия. В этом плане статус экспрессивных средств зависит от характера, условий коммуникации и самого контекста. Учитывая это, надо научить студентов-журналистов пользоваться особыми правилами их реализации в тексте. *Во-первых*, фигуры многозначны и, как это видно из приведенных примеров, могут и видоизменяться в пределах одной структуры, и получать разные функциональные назначения. *Во-вторых*, фигуры риторической речи соотносимы с типом жанра, а в рамках текстовой сферы журналистики – и с различными подтипами публикуемого материала в газетах и журналах. *В-третьих*, для создания более сильного эффекта эмоционального воздействия на адресата отрезки с экспрессивными приемами могут внедряться в философские, науч-

ные, газетно-журнальные и публицистические тексты. Усиление внимания в предлагаемой информации также создается эстетичностью речи, свойственной фигурам, что обеспечивает более легкий путь восприятия содержания и установок автора.

В этом плане интересно привести пример Ю.С. Степанова, написавшего в изящной эстетической манере предисловие к научному сборнику «Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса» (1999). Смысл этого предисловия – актуализация теоретической проблемы в мире современной когнитивно-лингвистической науки, дисциплины, возникшей во Франции и получившей широкое распространение в России. Основной смысл дискурсивного анализа – раскрепостить мысль научных познаний, внести в структуры науки чувствительность, эмоциональность, усилить субъективные оценки. Отсюда и ассоциации, и образные сопоставления, и метаязыковые отсылки, и пафосная структура оригинального введения ученого и публициста.

– *Эта книга выйдет весной, даже если выйдет осенью. Она несет в себе дух «майской революции 1968 года», воздух весеннего Парижа. Эта книга должна была бы прийти к российскому читателю двадцать лет назад, – говорит ее составитель Патрик Серю. «Эта книга пришла сейчас, и все еще вовремя», – говорит он же. И между этими двумя утверждениями нет противоречия. В самом деле, что за революция! Тысячи листовок, ни капли пролитой крови! Тысячные толпы протестовали! Против архаичной системы образования, против старых профессоров, против воинской повинности, против бесполезного изобилия, короче – против государства потребления... Книга овеяна «духом Франции» [Степанов, с. 3–5]. Именно так определилась «проблема субъекта» в новой научной проблематике, которую можно назвать революцией мысли в научном мире.*

Таким образом, подводя итоги, еще раз подчеркнем содержательную, функциональную и структурную связь журналистского творчества и риторических, экспрессивных, приемов текстообразования: *следовать* за событиями, *ориентироваться* на определенного читателя, учитывая социальные и психологические факторы его общественного лица, активно *формировать* его мировоззрение, *действовать* языковыми приемами наглядного, образного выражения, побуждения к действию, размышлению, аргументировано *обосновывать* свои выводы и суждения, *создавать* прагматические ориентации в сознании читающих, *воздействовать* на них доводами «к разуму» «к пафосу» и «к этосу». Несомненно, все эти стороны становятся весомыми и значительными основаниями и для необходимого утверждения экспрессивной (риторической) стилистики в системе образовательных программ обучения журналистов.

Литература

- Гельвеций К.О.* О человеке, его умственных способностях, его воспитании. М., 1933.
Журналистика и культура русской речи : к 70-летию проф. И.В. Толстого. Вып 10/
М., 2000.
- Лазутина Г.В.* Основы творческой деятельности журналиста. М., 2001.
- Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики : 7-е изд., М., 2009.
- Русская риторика : хрестоматия / автор-составитель Л.К. Граудина. М., 1996.
- Русский язык : энциклопедия : 2-е изд. / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997.
- Степанов Ю.С.* Париж – Москва, весной и утром // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Тертычный А.А.* Аналитическая журналистика : познавательно-психологический подход. М., 1998.
- Ушинский К.Д.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 10. М., 1950.
- Хазагеров Т.Г.* Проблемы экспрессивной стилистики: сб. науч. тр. Ростов н/Д., 1987.